

Авторская биография поэта Николая Коновского известна куда как меньше, чем его стихи. Можно даже сказать, что личность поэта не просто в тени его творчества, но как бы растворена в нем. В наше время, когда мало-малошки попадающий в рифму автор начинает направо и налево давать интервью и всюду говорить о себе, такое явление, когда поэт ушел в тень своих стихов – редкость.

Известно о Коновском как авторе совсем не многое. Родился в 50-х годах на Белгородчине. Выпускник Московского литературного института. Автор книг «Равнина», «Твердь», «Зрак», «Врата вечности», с юности живет в Москве... В литературу входил в конце 80-х, первая книга вышла в самом начале лихих девяностых. Следующая была издана только в 2004 году, спустя почти полтора десятилетия. Неудивительно, что в эпоху, когда русская литература стала не просто не нужна, но и опасна властному режиму, поэт жил без возможности издать авторскую книгу. По сути, целое поколение поэтов по причине литературного безвременья выпало из внимания российского общества... Впрочем, легко говорить и мыслить поколениями и эпохами. А как приглядишься к судьбе конкретного человека, так и понимаешь, что обобщение порой хромает, как и сравнение...

Николай Коновской даже без регулярного книгоиздания все-таки не стал заложником безвременья. Он не просто выжил и духовно лично стоял. Он остался поэтом. Иногда такие вынужденные, как их называют специалисты, «вымолчки» поэтам посылает Бог. Чтобы талант безо всякой суестьи вызрел как дорогое вино, которое при суетной

молитвенном великопостном смирении, чтобы огласить радостью окрестность. Чтобы ради небесного простора дать себе шанс оторваться от земной тверди. Поэтический мир Николая Коновского не назовешь перенаселенным. Это мир человека, осознающего свою изначальную одинокость, но при этом ощущающего родство со всем миром. Мир русского поэта! Душа автора способна вместить столько смыслового простора, что надобность во внешних деталях материального мира словно бы отпадает сама

Эдуард АНАШКИН

Голос равнины продрогшей

О поэзии Николая Коновского

шумихе частенько перекипает в укус. Суета повседневно-сти нередко лишает нас возможности прозреть ответ вечности, делающий стихи – поэзией:
*Спустилась ночь, утихли сердца битвы,
В один конец уже в руках билет.
Но полоснул опасный, словно бритва,
И ослепил – любви забытой свет!*
*И захлебнулись ливнем водостоки,
Заплетал сожженный зноем сад!..
О, свет звездбы, печальный и жестокий,
Сгоревшей миллионы лет назад!*

Не так ли поэты, которых, как никого другого, можно сравнить со звездами, питают нас светом своего творчества, сами при этом оставаясь незримыми для материального зрения. Но есть зрение духовное, данное нам космосом, Богом, оно и питает наши души светом поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина, других поэтов-классиков. И этот свет неподвластен времени поэзии тем ярче, чем дальше от «источника излучения». Поэтическому почерку Николая Коновского присуща та молитвенная несуетность, которая резко выделяет его из массива современной «актуальной» и «злободневной» поэзии. Взгляд поэта Коновского, даже упавая на современность, видит то, что обычный человек увидит часто не может в силу «замыленности» взгляда агрессивной сиюминутностью.
*Туманится, слезится взор:
В распахнутости беззачатной –
Какое небо и простор, –
Сияющий простор пасхальный!
И на ладони – вся Москва
В нашье голосов былинных!..
Что там за дивные слова
Тянутся в медных исполнах!..
Пусть крестный жертвенной Руси,
Ход крестный в шестисти безмолвном.
Востань, званьяр, о оалси
Отчизну радостным трезвоним!
Пусть мы гневили Божество,
И каялись, да вновь грешили, –
До воскресенья Твоего
Все ж, слава Господу, дожили!
Востань, званьяр, – твоя пора!
А он лишь зорному внимает,
И звоны красные даря,
Как птица, их в небо выпускает!*

Это стихотворение не просто о пасхальном звоне и звонаре. Это стихотворение о поэте и о нездешнем крылатом «звоне», что вызрел в

собою... Только простор. Только тишина. Только Россия!
*Голос равнины продрогшей
Белый покров первокопья,
Санный – по наледю – след, –
Словно бы в мраке безлюдья
Вспыхнул неведомый свет.
Необозримой рекою
Медленно, издалека
К вечному словно покою
В небе плывут облака.
Что же, что жизнь короточна,
Даль холодна и пуста, –
Но леденящая вечность
Светом целует в уста!..
Слышишь ли во поле, в роще,
Заиндевелой уже,
Голос равнины продрогшей,
Равноеликий душе?..*

Для меня, как читателя, удивительно, что несмотря на то, что автор этих строк, живущий в столичном московском мегаполисе, более похожем на муравейник, сумел сохранить свое поэтическое пространство чистым от суестьи и «двиухи». Читаешь его стихи и поневоле закрадывается чувство, что такие несуетные пространственные строки могли быть написаны только вдали от городской толчеи. Где-нибудь на сибирских необъятных раздольях, где встретить человека – целое событие. Отрадно, когда такие встречи случаются и становятся знакомыми вехами для поэта. И как следствие – для читателя.
*Третьи сугки – лишь холод и снег,
Свищет ветер, надрываясь и плача...
Что за мир, что за люд, что за век,
Что за лютая стужа собачья!
Выдувая из дома тепло,
Кружит выюга в медлительном танце.
Замело тебя, Русь, замело –
Как в известном поется романсе.
Дай мне весточку – что ж ты молчишь
В голаящей пустыне безбрежной!
Замело твой Воронез до крыш,
И Москва моя – в пропасти снежной!..
Я лишь в снах твоих – чаемый гость,
А на большее – и не дерзая.
Дай мне руку! – за тысячу верст
Как я страстно тебя осязая!
Ах, родная, в такой снеговей –
На крыльцо, да в легоньком платье!..
Над душой, над судьбою твоей
Я навеки смыкаю объятия!*

Это стихотворение на равных можно причислить к жанру любовной, но и патриотиче-

ской лирики. Несмотря на личные моменты, в образе лирической героини, к которой обращается автор, так или иначе проступают черты России. Думается, что для всякого настоящего русского поэта главной лирической героиней всегда была и остается – Россия. Именно к ней обращены самые пламенные строки русских поэтов. Впрочем, что удивительного? Родина, Россия – женского рода! Выбегающая навстречу поэту во время выюги на крыльцо, да в легоньком платьице женщина – чем не Россия,

которая никогда не удела себя беречь и всегда спешила навстречу тому, кому поверила?..
Когда я стал читать книгу «Лирика» Николая Коновского, подаренную мне писательницей Светланой Вьюгиной, я долгое время находилась под впечатлением этого моего небольшого «открытия! Хотя, думается, такое же открытие сделали отдельно от меня все читатели её. Книга предстала, как объяснение в любви России, как желание предостеречь и оберечь ее в нашу жестокую эпоху. Вот и в чертах девы-весны из другого стихотворения Николая Коновского также проступают черты России, с которой можно расстаться, но которую невозможно разлюбить. Ведь одно только воспоминание о ней дает силы жить, надеяться, верить и восхищаться миром.

*Сначала усадой забытых усад
Был тихий, как снящийся сон, листопад.
Срывались на деревье, ложилась листва
На землю, на давнее чьи-то следы.
Затем, заметая дворы и дома,
Дохнула холодным дыханием зима.
И призраком диким – до неба возрос
В пространстве мятущемся –
снежный хаос.
А после морозов, ясна и красна,
Явилась завидная дева-весна:
Вода забулрила, запала синель,
И мир огласила полночная трель
Певца, что умрет от восторга вот-вот...
Потом долгожданное лето придет,
Как счастье – от горя,
как солнце – из тьмы.
...А после с тобою расстанемся мы.*

Дева-весна, побеждающая хаос и превращающая его в космос поэзии, космос созидания и весеннего возобновления жизни. Прекрасный поэтический образ!.. Николай Коновской не из тех авторов, которые много и часто помнят Господа в своих стихах. Вроде бы и не так много у него стихотворений-обращений к Богу, к Небу. Но все его творчество, стоит с ним соприкоснуться, пожить хотя бы несколько дней в мире поэзии, созданном Коновским, предстает именно молитвенным, несуетным. Мир, пронизанный осознанием изначальной трагичности. И в то же время наполненный надеждой и верой в то, что все, что случается с человеком, происходит не зря и не случайно. Поэтический мир Коновского далек от роптания, обличения, но пронизан богатырским смирением, с кажим, вероятно, шли в бой, будучи уверены в победе света над тьмой, наши русские богатыри. Шли на «голос равнины продрогшей», как на голос любимой женщины, зовущей на помощь.

Прощание с Нобелем

Андрей РАСТОРГУЕВ

О книге Сергея Трахимёнка
«“Нобелиат”, или Опасные игры»

Про литературные премии надо говорить, как про вино. Там – какой сорт и год, на каком склоне виноградник и так далее. Здесь – кто учредил, был в жюри, возглавлял его, номинировал соискателей и прочее. Проверено на себе.

Есть, однако, исключения, над которыми вообще не заходит солнце. Взять хотя бы Нобелевку. Сколько бы ни рядили о ней, а звание нобелиата – как знак качества, припечатанного к автору и его текстам.

Может быть, поэтому брать Нобелевку на разбор никто не торопился – во всяком случае, литературно. Пока, наконец, это не сделал русский писатель из Минска Сергей Трахимёнок. В 2018 году он дописал, а в 2019-м российская «Роман-газета» в своём третьем номере издала новый роман ««Нобелиат», или Опасные игры». По форме – авантурный детектив. По содержанию – книга о весьма серьёзных и современных, с пылу с жару, вещах.

Кандидат в Нобеля

Земляку самого «свежего» из русских (или тут уместнее слово «русскоязычных»?) нобелевских лауреатов Светланы Алексиевич, конечно, сам Бог велел. Однако, как это водится у Трахимёнка, ответ на веление получился весьма ироничным. Ибо автор, одновременно цепляя некоторые современные представления о социальных механизмах, представил собственный взгляд на «кухню» этого процесса.

Завязка романа, впрочем, больше напоминает о ленте Фейсбука, что нынче периодически сообщает о разного рода оппозиционных акциях. Ибо во первых строках и абзацах главный герой «Нобелиата» писатель Крамор оказывается зевакой на одном из митингов. Пошёл по городу поискать случайных впечатлений – и обрёл их в кулузе, куда был доставлен омонщиками как участник этого митинга.

Именно здесь его находит некий издатель Замятин, который считает: именно сейчас Крамор способен прочувствовать глубину сделанного ему предложения. И согласиться стать... нобелевским лауреатом, произведя которого этот издатель будет затем публиковать массовыми тиражами...

Судя по реплике, которую бросает герою один из соизучков, какой-то известностью Крамор обладает. Но, видимо, весьма ограниченной, да и то – не по звуку ли с расхожей киношной фамилией? Или то был казачок, засланный тем же издателем? Так или иначе – отнюдь не звезда. А тут на тебе – кандидат в Нобеля. Издается этот Замятин что ли?

Однако издатель приходит в изумление вновь. И, убеждая, рассказывает, как завхоз Президиума Академии наук открыл способ сделать академиком абсолютно непроходного кандидата. Тогда герой не то, чтобы соглашается, а снижает уровень сопротивления. И – выходит на свободу...

В общем, с проблемком фантазмагории, но в рамках вполне знакомой реальности.

В повестке дня

Вполне узнаваемым представляется и параллельный сюжет, слов которого тут же вставляются в первый. Во всяком случае, для тех, кто читывал классическую фантастику. Живёт себе некое доисторическое племя троплов, гнобит по мере необходимости соседние племена, вождь и жрец потихоньку тягуют за власть и женщин... То есть люди как люди. А один старичок, что по нынешним меркам возраста сошёл бы за юношу, себе на уме. Поскольку знает, что боги иногда спускаются на землю.

Ушлый читатель, однако, от такой двойной закрутки может только ухмыльнуться. Ну-ну, мол – наверняка окажется, что эта история с троплами написана Крамором... Хотя, конечно, автор может свести свои параллели как-нибудь иначе. Стало быть, надо почитать дальше – как минимум из профессионального интереса...

Первая задача, получается, уже решена – читателя зацепило. Автор, однако, не унимается. И через несколько страниц, развивающих тему общения первобытных с инопланетянами, линия троплов неожиданно вываливается в наше время. Причём в детективном контексте. Ибо троплами на сей раз называется некая молодёжная банда. А ещё один становящийся значимым персонаж – следователь Юнаков – начинает расследовать убийство некоего тренера Прошкина.

Детектив детективу тоже, разумеется, рознь. Один выписывает экшн, другой углубляется в психологию преступника. На голливудский блокбастер минский антураж и спокойный ход повествования явно не тянут. Однако, будучи другим, Сергей Трахимёнок и здесь действует наособицу. Ибо обстоятельство жизни убийтого постепенно выводит на гендерную тему – особенности поведения мужчин и женщин. Тем самым вновь

подтверждая способность автора если не держать нос по ветру, то отзываться на современную массовую повестку дня. Лично я уже взял веток насчитал, а вы? И, на мой взгляд, это ещё не все.

Бизнес-проект

Развитие, скажем так, заглавной линии выводит на ещё одну популярную сегодня «фишку» – проектный менеджмент. Ибо издатель Замятин реализует свой замысел сделать Крамора нобелиатом как целенаправленный бизнес-проект. Даже название имеется – «Путь на Олимп». А что в литературе как гуманитарной сфере цели и критерии несколько размыты, лишь укрепляет надежду на успех.

Дальше можно читать как вполне прикладной учебник. Чтобы надежда осуществилась, участники проекта должны жить ею. Именно поэтому Замятин предлагает Крамору не называть проект авантюрой, а вжиться в него. И для начала усвоить подробную информацию о тех перипетиях, что были связаны с присуждением литературной Нобелевки писателям, творчящим по-русски. Вплоть до выдвижения на неё Валентина Распутина, кандидатуру которого поддержал Солженицын, но отверг Нобелевский комитет.

Замятин, впрочем, называет эту информацию фактологией. То есть не просто для сведения, но чтобы войти в решающую задачу. Собственно, это для будущего лауреата главное, ибо все основное – в том числе, к примеру, переводы на английский – организует по уже разработанному плану издатель. Дело же Крамора – занимаясь своими книгами, иногда выходить из тени, да ещё поработать с коучером, специалистом по личному росту. Она должна усилить мотивацию.

А потом появляется ещё одна фигура, явно списанная с нашей общей реальности – некто Краскевич. Раньше он подвизался как политехнолог, а теперь именуется методологом.

Именно Краскевич распланировал всю эту нобелевскую кампанию. И он же, как принято нынче говорить в бизнес-кругах – один из главных бенефициаров проекта. То есть получатель будущей прибыли.

Стало быть, ещё три пункта из той же самой массовки. Это если не зачислять сюда споры о поэзии Бродского, разговоры о манипуляции сознанием и человеческих энергиях, секреты рынка коммерческой литературы, управления стадом и обществом и много ещё чего...

По той же самой причине, кстати, «Нобелиат» отчасти напомнил мне памфлеты Пелевина. Там всё время возникало ощущение, что автор напи-тался свежими концептами в Кремле – и, обложив их метафорами, пересказал для тех, кто в теме.

По лабиринтам

Понятно, однако, что ветвиться до беспредела сюжетное древо не может. Вот и детективно-тропловскую линию автор постепенно принимает скручивать воедино. Поначалу, правда, из двух веток. Ибо оказывается, что, мечтая воспитать как минимум одного сверхчемпиона, тренер фактически принял в свою семью нескольких подростков.

Когда один «лишний» ушёл, ребят осталось восемь – четыре мальчишки и четыре девочки.

Батя, как они его прозвали, рассчитывал, что такой расклад поможет добиться цели, и в конце концов ему перепадёт не только слава. Селекция ведь не случайно перешла из биологии в спорт. Однако вышло иначе. Парни в получившейся стае к усвоенным целям стремились. А девочки в соответствии со своей природой повели свою игру – борьбу за тренера. В том числе с его собственной женой...

Они же в своё время на сборах, сложив для этого первые буквы своих имён, придумали и это самое слово – «тропглы». Но когда ОМОН приходит к убийце тренера, выясняется, что эта ветка привела в тупик. Убийство-то в результате раскрыто. А что за молодёжная банда под таким названием действует «на равне», по-прежнему непонятно.

И тут же из спящей на детективном дереве почки вырастает новая ветка. Выясняется, что некая группировка, живущая по вроде как первобытным племенным законам, действительно имеется. А в компьютере одного из членов племени обнаруживаются скананные из инета эпизоды новости, которую...

(Окончание – стр. 7)

Имя западносибирского поэта, литературоведа и журналиста Кнзяза Гочага в последние годы уверенно зазвучало в российском литературном мире. Его тема – современная многонациональная российская литература столиц и регионов нашей страны. В именах, в книгах, событиях и фактах... И, конечно же, в силу своего давнишнего проживания в Западной Сибири и по адресу своей душевной привязанности к северо-

Вячеслав АР-СЕРГИ

«На родине больших снегов и стужи...»

К 65-летию писателя Кнзяза Гочага Гурбанова

ру, он щедро знакомит российских читателей с творчеством и местных финно-угорских авторов, среди которых и хант Еремей Айпин, один из ведущих современных прозаиков Обь-Иртышья, и манси Андрей Тарханов (1936-2017), чье поэтическое творчество давно перешагнуло за российские пределы, и другие... Дружеские отношения связывали Кнзяза Гочага и с признанным классиком многонациональной советской литературы, мансийским поэтом Юваном Шесталовым (1937-2011).

Кнзяз Гочаг – крепкого сложения (сказывается его необычное, с детских лет, увлечение футболом) энергичный человек; как и подобает истинному кавказцу, его усы – неперемьны. В светлые минуты отдыха он словоохотлив и улыбаив, в минуты же раздумий над судьбами родины и литературы – молчалив и сосредоточен.

Его уверенное ориентирование в современной русской литературе покрывает обилием цитируемого и анализируемого материала, его осведомленность в персоналиях и творчестве ныне работающих авторов – как столичных, так и региональных, как русских, так и национальных, – вызывает искреннее уважение.

Обладая недюжинной памятью, всем исследуемым литературным фактам он тут же предоставляет определенное место в своей мысленной «картотеке». Редкий вопрос, связанный с литературой, застанет его врасплох.

Вспоминается, как Кнзяз Гочаг при первой нашей встрече – в начале века нынешнего, в Ханты-Мансийске, на Конгрессе финно-угорских писателей мира – практически сходу, весьма толково повел разговор о творчестве

основоположника удмуртской литературы Кузбаша Герде (1898-1937). Не перепутав ни одной из главных дат основного периода его творчества. С таким явлением, прямо скажем, за пределами Удмуртии до этого мне не приходилось сталкиваться...

Так мы и скрепили тогда дружеским рукопожатием на многие годы наши с ним отношения, встретившись на задуманном перекрестке жизненных дорог. Скрепили, чтобы потом уже не терять друг друга и на литературных путях-дорогах.

...На родине больших снегов и стужи
Мне подавай родимое село!
Там в ветках светит ярко и знакомо
Любой вранат, потресканный слежка.
Ну а когда гошу... я дома,
Мне подавай сибирские снега!

В семье Гурбановых, что из селения Шахсаван Бейлаганского района Азербайджана, было 12 детей, Кнзяз Гочаг – седьмой. Он родился 26-го декабря 1954-го года в большой и весёлой, дружной и работающей семье Гочаха и Бановши-ханум Гурбановых. Жили, конечно, небогато, скорее – бедно. Как многие в советской стране в то восстановительно-послевоенное время. Младшие донашивали одежду за старшими – это само собой разумелось... Но никто от этого не рвал в отчаянные волос и не забрасывал лицо дорожной пылью от обиды и огорчения. Нет, в те времена даже богатые – и те не кичились своей мощью, как ныне это пропагандируется СМИ. Тогда молодые люди, в массе своей, выросли рано и относились к себе с неоправданной ответственностью. Особенно на селе. С детства, с малых лет Кнзяз уже познал цену честно заработанной своим трудом копейки – приобщился к непростому деревенскому труду. И косил, и пахал, и сеял...

Отслужив в армии, он крепко задумался: как устроить свою дальнейшую жизнь, стать опорой семье... С этой мыслью в 1977-ом году он устраивается простым рабочим в стройбригаду

управления буровых работ, которая располагалась в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского Приобья. Не обошлось, конечно же, без увлечения романтикой Севера. К тому же здесь уже работал его старший брат, пригласивший Кнзяза опробовать себя на прочность в Западной Сибири.

Проработав на стройке, Кнзяз переходит в геодезическую экспедицию, а затем становится инженером в управлении технологического транспорта. Без отрыва от производства он вскоре заканчивает филфак Тюменского госуниверсите-

та. К этому времени он уже известный местный автор, активно печатающийся в областных изданиях. В 1990 году он становится штатным журналистом в городской газете Пыть-Яха. Но находит время и для написания своих стихов, рассказов и критических статей. Поэтому сегодня он известен в России не только как журналист, но и как вдумчивый литературовед и пронзительный в своей искренности поэт.

Он – член Союзов писателей Азербайджана и России. И, естественно, литература остается для него главным делом, что в последние годы для российского читателя становится всё заметнее. Кнзяз Гочаг стал своим автором в ряде федеральных литературных газет и журналов. Сильные московские и, конечно же, западносибирские поэтические альманахи тоже не обходятся без его участия. Он русскоязычный российский автор, не теряющий душевных нитей притяжения и со своей родной азербайджанской литературой. В Баку его знают как поэта оригинальной, переплетенной с восточными традициями стихотворной мысли. Он постоянный автор азербайджанских литературных журналов.

Одной из примечательных черт творческого облика Кнзяза Гочага является то, что он много читает из написанного современными авторами. Оттого рука его всегда лежит на пульсе российской литературы.

В Пыть-Яхе хорошо знают своего Кнзяза Гочага. В 2002-ом году ему было присвоено звание Почётного гражданина города. Он – заслуженный деятель культуры Югры.

«Среди многих талантов нашего Кнзяза – умение дружить и держать своё слово. Работать на

Кнзяз Гочаг – автор весьма плодотворный, но он не подгоняет себя строчкотворчеством, просто таков успешный ритм его работы со словом. Строка должна быть выношена, и лишь потом доверена чистому полю белого листа бумаги. Так делает пахарь, так делает сеятель... Так родилось и его известное стихотворение «К матери»:
*Права ты, мама, говоря,
Что я с тобой жить должен рядом.
А я уехал за моря –
Снега меж нами как преграда.
Когда покинул отчий дом,
Познал я многое в разлуке:*

Тоску по матери с отцом
И совести бессонной муки.

*Когда отец мой умирал,
Не смог я с ним проститься даже.
Он к сердцу фото прижимал –
Об этом, мама, ты мне скажешь.
Когда сама хворала ты,
Когда беда стучалась к близким,
Я был в объятьях мерзлотов,
И лишь по почте слал записки,
Ссылаясь, что дела, дела,
Что вновь зовут меня дорожно...
А ты всегда меня ждала,
Ждала у отчего порога.*

*И в утешенье лишь одно
Я оправданье придумал:
Я не с тобой рядом, но
Я о тебе так часто думаю.
И знал: на краешке земли
Жизнь эта все же плюс имеет –
Сын, что от матери вдали,
Он для нее всегда милее.*

Немало и, отметим, дружески душевно, переводил и сейчас переводит стихи Кнзяза Гочага известный поэт из Екатеринбурга Александр Кердан. А до него переводил Кнзяза Гочага московский поэт Владимир Топоров, тоже настоящий друг и по-выникни. Переводили Кнзяза Гочага и другие поэты, и на другие языки – тоже. А в основе хорошего, качественного перевода – конечно же, искренний, сердечный разговор близкородственных душ. О жизни нашей, о времени, уходящем по большому и малым рекам – безвозвратно, но оставляющем нам то, что остаётся с человеком навсегда – земное тепло...

И грустит по вечерам, ожидая с журналисткой командировки своего супруга Айза-ханум, добрый ангел-хранитель и муза поэта Кнзяза Гочага. Она знает и то, что во возвращении домой её Кнзяз обязательно пройдёт, прогуляется около железнодорожного вокзала – здесь родились многие строки его стихов...

И долго, долго по ночам, иногда до раннего утра, горит свет над столом писателя – он пишет или читает... В маленькой пыть-яхской квартирке – тишина.

Мы не будем мешать, а просто дружески скажем ему наше сокровенное – в положенное время: «С днём рождения, Кнзяз-муаллим! Новых вам удач, дорогой наш мастер».

Удмуртия